

Письма къ читателямъ.

Январь 1910 г.

„Усовершенствуется ли человѣческая нравственность“? спрашиваетъ меня одинъ изъ моихъ читателей. Для теософа, это — странный вопросъ, для него весь процессъ жизни есть неустанное развитіе, переходъ изъ простаго въ сложное, изъ несовершеннаго въ совершенное. Но вопросъ этотъ приходится слышать нерѣдко; его задаютъ самые чуткіе люди, съ отчаяньемъ смотрящіе на отрицательныя явленія усложняющейся человѣческой жизни. Но это отчаянье вызывается недостаточнымъ проникновеніемъ во внутреннюю суть эволюціоннаго процесса. Съ точки зрѣнія теософіи, все, что творилось въ далекомъ прошломъ и что совершается на нашихъ глазахъ, имѣетъ одинъ смыслъ и одно оправданіе: все ведетъ къ постепенному раскрытію сознанія, понимая сознаніе въ самомъ широкомъ смыслѣ, какъ работу ума, сердца, совѣсти и воли человѣка. Средство для раскрытія сознанія на всѣхъ ступеняхъ жизни одно и то же: *неустанная дѣятельность* во всѣхъ сферахъ жизни, видимой и невидимой. И вся природа во всей своей совокупности, весь объективный міръ — *извне*, а потребности физическаго и духовнаго человѣка — *изнутри*, толкаютъ его къ дѣятельности во имя этой единой, все заключающей въ себѣ цѣли. Дикаря понуждаетъ къ дѣятельности голодъ, холодъ и страхъ передъ болѣе сильнымъ человѣкомъ и звѣремъ, и на этой ступени — натискъ, смѣлость, беспощадность, являются высшими качествами. Позднѣе, когда свободный дикарь превращается въ раба, стимуломъ для его дѣятельности является подчиненіе болѣе сильному и болѣе развитому побѣдителю. Здѣсь добродѣтелью является покорность и безропотное послушаніе, а рабскій трудъ становится пружиной, имѣющей скрытую цѣль преодолѣть *инерцію*, которая чрезвычайно сильна на низшихъ

степеняхъ развитія. На слѣдующей ступени начинается борьба классовъ, борьба за независимость, за уравненіе правъ съ бывшими побѣдителями, и здѣсь рабочій трудъ является пружиной, имѣющей скрытую цѣль развить *иниціативу, активную энергію*, а нравственность выражается въ зарождающемся чувствѣ человѣческаго достоинства. На высшей ступени сознанія, которая въ историческомъ процессѣ еще впереди, борьба замѣнится стремленіемъ къ единству, трудъ сдѣлается добровольнымъ даромъ для созданія общаго блага и поведетъ къ *гармоніи*, а нравственность выразится въ безкорыстной любви. Я намѣчаю здѣсь самые главные этапы развивающагося сознанія, но между этими этапами простирается лѣстница съ огромнымъ числомъ ступеней, и на каждой ступени — *свой* критерій нравственности, поднимающій человѣка все болѣе надъ животнымъ полюсомъ, все болѣе очищающійся отъ грубаго эгоизма.

Но прежде чѣмъ сознаніе большинства поднимется на высшую ступень и признаетъ безнравственнымъ то, что на предыдущей ступени было нормой поведенія, передовая волна человѣчества, всегда сильно опережающая остальныхъ, должна дать примѣръ, проложить новые пути, выработать высшія нормы поведенія. Когда эти высшія нормы переходятъ въ сознаніе большинства, начинается процессъ приспособленія, и такая переходная эпоха производитъ всегда впечатлѣніе кажушагося регресса. Это происходитъ отъ того, что установившееся равновѣсіе расшатывается, психологія человѣка усложняется, и пока она приспособляется къ болѣе высокимъ требованіямъ жизни, всѣ ея ви́шнія проявленія становятся болѣе хаотичными, сошедшими съ прежнихъ устоевъ, выбитыми изъ сложившихся нравственныхъ нормъ.

Для наблюдателя, не считающагося съ общимъ ходомъ эволюціи, съ тѣмъ скрытымъ смысломъ всего переживаемаго, которое связано съ прошлымъ и будущимъ въ одинъ цѣльный историческій процессъ, хотя и чрезвычайно сложный въ своихъ частяхъ, но внутренне спаянный единой общей цѣлью, — очень трудно оторваться отъ временныхъ явленій мучительнаго настоящаго. Принимая все совершающееся за окончательное проявленіе человѣческой природы, наблюдатель приходитъ къ невѣрному выводу, что человѣческая нравственность не подвинулась, а скорѣй пошла назадъ. То же самое явленіе наблюдается и въ низшихъ царствахъ природы на всѣхъ переходныхъ степеняхъ: происходитъ видимый регрессъ, напр., при переходѣ изъ расти-

тельного царства въ царство животное, когда появляются организмы, съ внѣшней стороны менѣ совершенные, всѣ внутреннія силы которыхъ направлены на приспособленіе къ новымъ функціямъ жизни. То же происходило и въ человѣческомъ мірѣ при переходѣ отъ патріархальнаго къ правовому строю, отъ памятнаго еще многимъ крѣпостнаго права къ свободному быту. Искренніе защитники отжившихъ формъ жизни ссылаются на ихъ прочность, порядокъ, уравновѣшенность, въ противоположность расшатанности и хаотичности настоящаго времени; съ своей точки зрѣнія они правы, но они не видятъ связи явленій и грѣшатъ тѣмъ, что направляютъ свое вниманіе только на прошлое и совсѣмъ теряютъ изъ вида будущее. Да и въ прошломъ ихъ привлекаетъ лишь общій характеръ безопасности и устойчивости, а не тѣ живыя слагаемыя, изъ которыхъ постепенно возникла эта устойчивость. Мнѣ вспоминается сейчасъ поразительный примѣръ, приводимый Викторомъ Гюго изъ эпохи вандейскихъ войнъ, какъ крестьянинъ отецъ доползъ на колѣняхъ до дома своего синьора, чтобы вымолить у него прощеніе за дерзость сына, замученнаго этимъ самымъ синьоромъ. Съ точки зрѣнія феодала и его представленій о нравственности, старикъ былъ достоинъ одобренія, но даже небольшой исторической перспективы достаточно, чтобы ярко освѣтилась вся безчеловѣчность такихъ представленій о нравственности.

Каждый разъ, когда старая ступень сознанія изживается очередь наступаетъ для новой, много времени требуется для борьбы съ ранѣе приобрѣтенными свойствами, для приспособленія къ новымъ требованіямъ жизни, для постепенной перестройки всѣхъ прежнихъ понятій, чувствъ и внутреннихъ навыковъ. На нашихъ глазахъ въ русскомъ народѣ происходитъ такое приспособленіе: вмѣсто крѣпкаго тѣломъ и духомъ помѣщика недавней крѣпостной эпохи, мы видимъ нервныхъ, мятущихся, глубоко неудовлетворенныхъ представителей современной интеллигенціи; вмѣсто преданныхъ крѣпостныхъ крестьянъ, терпѣливо несшихъ свою трудную долю, появилось совсѣмъ иное поколѣніе, недвольное, строптивое, расшатанное во всѣхъ своихъ внутреннихъ устояхъ, но съ болѣе сложной психикой и съ болѣе впечатлительностью. По внутреннему смыслу всего совершившагося на нашихъ глазахъ, жизнь сильно двинулась впередъ, но пока будетъ продолжаться приспособленіе къ ея усложнившимся задачамъ и къ поднявшимся нравственнымъ требованіямъ, мы неизбѣжно будемъ переживать распаденіе прежнихъ устоевъ, которые—худо ли, хорошо-ли — помогали народной жизни удерживаться въ извѣст-

номъ равновѣсія. Такой періодъ приспособленія сопровождается всегда тяжелыми явленіями и носить на себѣ всѣ признаки паденія нравовъ; мало того, онъ можетъ растянуться на чрезвычайно долгій срокъ, если господствующіе классы не только не помогаютъ поступательному движенію жизни, но и тормозятъ его искусственными преградами.

И все же, не смотря на всѣ тяжелыя видимости, внутреннее творчество народнаго сознанія продолжаетъ свою невидимую работу и готовитъ будущее съ болѣе справедливыми и болѣе совершенными нормами общественнаго строя.

Здѣсь мы подходимъ къ явленію чрезвычайной важности: европейская матеріалистическая наука считается только съ внѣшними воздѣйствіями на человѣка; теософія, или наука духа, имѣетъ дѣло съ его внутреннимъ творчествомъ, съ постепеннымъ раскрытіемъ высшихъ свойствъ человѣческой души; и здѣсь мы сталкиваемся уже не съ экономическими и социальными факторами, а съ проблемами духа, съ усовершенствованіемъ всей психики человѣческой, съ раскрытіемъ въ ней новыхъ началъ, съ поднятіемъ мысли, чувства, совѣсти и воли человѣка на высшую ступень сознанія.

Въ совершающемся историческомъ процессѣ различныя ступени сознанія не раздѣляются рѣзкими гранями, онѣ сливаются въ многоцвѣтной ткани жизни, изъ которой состоитъ текущая дѣйствительность: рядомъ съ людьми, уже успѣвшими подняться на высшую ступень, дѣйствуютъ и сильно отставшіе, и догоняющіе, и тормозящіе—сознательно или безсознательно—движеніе впередъ. Принимающимъ участіе въ этомъ пестромъ жизненномъ творествѣ трудно разобраться въ истинномъ направленіи всѣхъ его перепутанныхъ нитей. Чтобы вѣрно судить о его внутреннемъ направленіи, нужно подняться *надъ* временнымъ явленіемъ борющихся классовъ, отвлечься отъ партійныхъ симпатій и антипатій и постараться уловить *положительныя* стороны всего совершающагося на нашихъ глазахъ. Ибо наблюдатель никогда не сдѣлаетъ вѣрнаго вывода, если будетъ смотрѣть лишь на одни отрицательныя явленія, на одно зло, которое всегда ярче бьетъ въ глаза, на одни острые углы, которые всегда выступаютъ яснѣе наружу. И никогда не пойметъ онъ *всего* процесса жизни во всей его полнотѣ, если вниманіе его будетъ устремлено на одну лишь поверхность, гдѣ въ бурныя переходныя эпохи скопляется столько грязной пѣны и выплываетъ такъ много всякихъ отбросовъ. Чтобы не ошибиться въ выводахъ, нужно проникнуть въ то, что создается

въ глубинѣ, что еще не вылилось наружу и не мечется въ глаза, какъ выброшенные на поверхность отбросы.

Если направить вниманіе на внутреннюю суть совершающагося, мы увидимъ, что въ то время, какъ на поверхности, закристаллизовавшейся въ отживающихъ формахъ общественнаго быта, идетъ борьба классовъ, эгоистическая и беспощадная, въ глубинѣ общественной совѣсти зарождаются новыя представленія, складывается новая потребность болѣе справедливаго строя, зажигаются новые идеалы. Несомнѣнно, что наши нервы истерзаны той тучей вражды, которая закрываетъ отъ насъ на время солнце Истины, и эти тучи дѣлаютъ иллюзію, что міръ погибаетъ. Но это не такъ.

Возьмемъ любое современное явленіе изъ самыхъ несимпатичныхъ, хотя бы тягу крестьянскаго молодого поколѣнія изъ деревенскаго приволья въ душные фабричныя города, неразборчивую жадность этого поколѣнія къ внѣшнимъ развлечениямъ. Но развѣ эта тяга и эта жадность исходятъ изъ однихъ дурныхъ источниковъ? Деревня застыла въ своемъ патріархальномъ строѣ, она не поспѣваетъ за движущимся потокомъ жизни, она не удовлетворяетъ растущую любознательность, не даетъ пищи для усложнившейся души народа, вотъ почему изъ нея бѣгутъ. Но это—явленіе временное. Сейчасъ городъ даетъ гораздо болѣе впечатлѣній, но большая часть этихъ впечатлѣній безконечно ниже тѣхъ, что даетъ здоровая жизнь среди природы, и когда деревня перенесетъ къ себѣ то цѣнное, чѣмъ обладаетъ культурный городъ: хорошую книгу, образованныхъ учителей, удобныя жилища, хорошую музыку, и т. д., тогда лучшій элементъ изъ народа снова потянется въ деревню, разочарованный въ отрицательныхъ сторонахъ тѣсной городской жизни. Или возьмемъ явленіе декаденства. Можно согласиться, что декаденты внесли въ литературу и искусство элементъ вычурности, что рѣчь ихъ вымученная и образы ихъ лишены ясности, но рядомъ съ этимъ нельзя не видѣть, что ихъ психологія несравненно сложнѣе, чѣмъ у средняго человѣка нашего времени, и что всѣ чувства ихъ сильно утончились и готовятся къ воспріятію болѣе тонкихъ, пока еще мало для кого доступныхъ впечатлѣній. Или обратимся къ современнымъ дѣтямъ. Они въ общемъ труднѣе и своевольнѣе дѣтей прежнихъ поколѣній, но они представляютъ изъ себя болѣе воспріимчивый матеріалъ, на которомъ легче запечатлѣваются высшія понятія растущаго нравственнаго сознанія.

Не далѣе какъ на дняхъ мнѣ пришлось бесѣдовать съ одной изъ знакомыхъ мнѣ матерей, которая удивлялась, на-

сколько душевное настроеніе ея дѣтей разнится отъ ея собственныхъ дѣтскихъ переживаній. Она жаловалась, что съ трудомъ можетъ найти книги, которыя бы удовлетворяли ея дѣтей; ея маленькая семилѣтняя дочка такъ огорчалась при чтеніи священной исторіи, находя въ ней многое жестокимъ и несправедливымъ, а рассказы изъ русской исторіи такъ возмущали ее своей грубостью, что пришлось отложить обѣ книги въ сторону. А когда мать взяла басни Крылова, надѣясь, что хоть онѣ то окажутся по вкусу ея дѣвочкѣ, и стала читать „Стрекоза и Муравей“, которую особенно любила въ дѣтствѣ, дочка ея и тутъ проявила свою собственную тонкую критику. Она нашла, что „муравей гораздо хуже стрекозы, потому что—жадный, думаетъ только о себѣ, а стрекоза гораздо лучше, потому что пѣла не для одной себя, а для всѣхъ“. „Лучше бы она обратилась къ пчелкѣ“, прибавила дѣвочка, „та бы ей не отказала, потому что она собираетъ медъ тоже для всѣхъ, а не для себя одной“.

Въ будущемъ письмѣ мы остановимся на самомъ процессѣ внутренняго развитія, и я постараюсь, чтобы въ моихъ „письмахъ къ читателямъ“ не было перерывовъ, какъ въ прошломъ году. Если кто-либо вздумаетъ поставить вопросы на затронутую тему, эти вопросы будутъ передаваться мнѣ Редакціей и дадутъ мнѣ возможность вступить въ болѣе живое общеніе съ моими читателями.

Другъ читателя.

